

*Посвящается Ханне Адлер-Ольсен.
Без нее бы источник иссяк*

ПРОЛОГ

Она в кровь стерла пальцы, царапая гладкие стены, и до того сбила костяшки, молотя кулаками по толстому стеклу, что уже не чувствовала собственных рук. Не менее десяти раз она ощупью добиралась до стальной двери и, цепляясь ногтями за выступающий край, пыталась ее открыть, но дверь не поддавалась ни на миллиметр, и она только поранилась об острую кромку.

Под конец, обломав все ногти, она, тяжело дыша, опустилась на ледяной пол. Сердце отчаянно билось. На миг она застыла, уставившись широко раскрытыми глазами в кромешную тьму, потом закричала. Она кричала, пока не перестала себя слышать, а может, ей изменил голос.

Тогда она запрокинула голову и снова ощутила ветерок, дувший откуда-то из-под потолка. Может быть, она достанет до того места, откуда он идет. Надо только разбежаться, подпрыгнуть и ухватиться за что-нибудь. А вдруг тогда удастся что-то сделать?

Или это вынудит прячущихся за стеной негодяев войти. И тогда, наверное, получится ткнуть им в глаза пальцами и ослепить. Если она будет действовать быстро, то, наверное, сумеет выскочить.

Облизав окровавленные пальцы, она села, засунув под себя руки ладонями к полу. Подняла невидящий взгляд и попыталась различить во тьме потолок. Вдруг он так высоко, что не допрыгнешь? Или там не за что уцепиться? Но попробовать надо — что еще остается делать?

Сняв куртку, она аккуратно положила ее в углу, чтобы не попала под ноги. Затем резко оттолкнулась и прыгнула вверх, вытянув руки как можно дальше, но обнаружила лишь пустоту. Повторив попытку несколько раз, она отошла к задней стене, секунду постояла, собираясь с силами, затем разбежалась и снова подпрыгнула, размахивая руками, будто ловя ускользящую надежду. Приземляясь после прыжка, она поскользнулась, упала и сильно ударилась плечом о бетонный пол, а головой о стену; из глаз посыпались искры, и она застонала от боли.

Больше не пытаясь что-то предпринять, она осталась лежать на полу. Очень хотелось плакать, но она этого себе не позволила. Если тюремщики за стеной слышат ее, то могут принять слезы за сигнал капитуляции, но это не так. Сдаваться она не собирается.

Она будет делать то, что в ее власти. Для них она — женщина в клетке, но степень ее внутренней свободы зависит только от нее. Она будет думать о том, что связывает ее с миром на воле и ограждает от безумия. Они никогда не заставят ее склонить голову. Она приняла это решение вопреки боли, которая пульсировала в плече и в опухшем глазу.

Рано или поздно, но она все равно отсюда вырвется.

2007 год

Подойдя к зеркалу, Карл провел пальцем по шраму на виске. Рана зажила, но след от пули легко разглядеть под волосами, если присмотреться.

«Да с какой стати кто-то будет присматриваться?» — подумал он, изучая свое отражение.

Лицо его заметно изменилось: появились глубокие складки возле губ, круги под глазами, безразличие во взгляде. Нынешний Карл Мёрк стал непохож на прежнего детектива, для которого работа составляла смысл жизни, рослого, элегантного ютландца, при виде которого иные приподнимали брови и невольно улыбались. Впрочем, на кой черт ему это надо?

Застегнув рубашку, он надел куртку, допил кофе и так хлопнул на прощание дверь, что остальные жильцы сразу поняли: хватит валяться в постели. Мельком глянув на дверную табличку, он отметил: пора наконец ее сменить. Вигга съехала отсюда давным-давно, можно сказать, в незапамятные времена. И хотя развод еще не оформлен, этот заезд уже позади.

Карл повернулся и направился к Хестестиен. Если успеть на поезд, который отходит через двадцать минут, можно будет полчаса провести в больнице у Харди, а уж потом идти на работу — в Управление полиции.

Увидев за деревьями красное здание церкви, он напомнил себе: как же сильно ему тогда повезло! Всего на два сантиметра правее, и Анкер был бы сейчас жив. Всего на сантиметр левее, и убитым оказался бы сам Карл. Такой пустяк спас его от путешествия по зеленым полям и мимо холодных могил, до которых отсюда с полкилометра.

Карл пытался представить себе это, но получалось с трудом. О смерти ему известно было не так уж много: только то, что она порой приходит неожиданно, как удар молнии, и наступает великая тишина.

Зато он много знал о том, какой жестокой и бессмысленной смертью иногда приходилось умирать людям. С этим ему доводилось сталкиваться нередко. Первую жертву убийства он увидел всего через три недели после окончания полицейской школы и запомнил это зрелище навсегда. Это была хрупкая маленькая женщина, которую задушил собственный муж. И потом еще много недель Карла преследовали ее потухшие глаза и застывшее лицо.

За первым делом последовало множество других. Каждое утро он внутренне готовил себя к встречам с этими картинами: окровавленная одежда, восковые лица, дышащие холодом фотографии. Каждый день выслушивал, как люди врут и оправдываются. Каждый день приносил новое преступление, но постепенно Карл стал воспринимать их все более и более отстраненно. Двадцать пять лет службы в полиции, из них десять в отделе убийств, притупили его впечатлительность.

Но однажды ему встретилось дело, которое пробило броню. В тот день его с Анкером и Харди послали в гнилой барак на немощенной, грязной улочке на Амагере¹, где ждало очередное мертвое тело, в истории которого им предстояло разобраться.

¹ *Амагер* — остров, на котором расположен один из районов Копенгагена. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Как обычно, одного из соседей насторожила вонь. Казалось бы, ничего особенного — просто одинокий пропойца испустил дух, лежа в собственном дерьме, но тут обнаружилось, что из головы у него торчит гвоздь, всаженный при помощи строительного пистолета. Из-за этого гвоздя делом занялся отдел убийств полиции Копенгагена.

Происшествие выпало на дежурство группы под началом Карла. В принципе, ни он сам, ни его помощники не возражали, хотя не обошлось без крепких выражений по поводу лишней нагрузки и медлительности других команд. Но кто же мог предвидеть фатальный исход этого выезда? Не прошло и пяти минут после того, как они ступили в полную трупной вони квартиру, и Анкер уже лежал на полу в луже крови, Харди сделал последний в жизни шаг, а в Карле навсегда погас огонек, без которого невозможно работать в отделе убийств.

2002 год

Газеты-сплетницы обожали вице-председателя Демократической партии Мерету Люнгор: за острые реплики с трибуны фолькетинга¹, за полное отсутствие трепетной почтительности к премьер-министру и его подпевалам. За женскую прелесть — дразнящие глаза и очаровательные ямочки на щеках. За молодость и ранний успех, а главное, за то, что давала пищу для различных догадок: отчего такая талантливая и красивая женщина до сих пор ни разу не была замечена в обществе мужчины.

Мерета Люнгор поднимала тираж газет. Лесбиянка или нет, но она постоянно обеспечивала им стоящий материал.

И прекрасно это понимала.

— Почему ты не хочешь сходить куда-нибудь с Таге Баггесеном? — спросила ее секретарша. Обходя лужи, они на цыпочках пробирались к маленькой голубой «ауди» Мереты на стоянке на площади Ригсдага у дворца Кристиансборг.

— Я-то знаю, многие рады были бы куда-нибудь тебя пригласить, а Баггесен вообще ума лишился. Сколько раз он подъезжал с приглашением? Наверное, ты уже потеряла счет записочкам на столе? Между прочим, он и сегодня что-то принес. Мерета, дала бы ты ему хоть один шанс!

¹ *Фолькетинг* — датский парламент.

— Если хочешь, можешь забрать его себе, — сказала Мерета, укладывая на заднее сиденье стопку папок. — Марианна, ну на что мне сдался докладчик по вопросам транспорта от радикалов-центристов, ты можешь сказать? Что я ему — объездная дорога в Хернинге¹, что ли?

Мерета подняла взгляд и посмотрела на музей «Арсенал». Какой-то человек в белой куртке фотографировал здание. Может быть, он сфотографировал и ее? Мерета помотала головой. Ощущение, что за ней постоянно наблюдают, начинало ее раздражать. Просто паранойя какая-то! Надо что-то с этим делать.

— Таге Баггесену тридцать пять лет, и он чертовски симпатичный. Пару килограммчиков ему, пожалуй, не мешало бы сбросить, зато у него есть вилла в Вейбю. Да, кстати, в Ютландии тоже, а то и несколько. Чего тебе еще надо?

Взглянув на секретаршу, Мерета с сомнением покачала головой:

— Да, ему тридцать пять, а он живет у маменьки. Ты, похоже, от него совсем голову потеряла, так что бери его себе! Пожалуйста, он твой!

Взяв из рук секретарши еще одну стопку папок, она поместила их на заднее сиденье к остальным. Часы на приборной доске показывали 17:40. Она уже опаздывала.

— Твой голос на вечернем заседании был бы не лишним, — заметила Марианна, но Мерета лишь пожала плечами:

— Ничего, как-нибудь обойдутся без меня.

С самого начала своей работы в парламенте она договорилась с председателем группы демократов, что после восемнадцати часов будет свободна, если только не назначат заседание комитета или голосование.

— Без проблем, — ответил он тогда, прекрасно зная, сколько голосов привлекает Мерета.

¹ *Хернинге* — датский город в западной части Ютландии.

А раз так, то и сейчас нечего волноваться.

— Ну, Мерета! Скажи уж, куда ты собралась? — снова спросила секретарша, шаловливо заглядывая ей в глаза. — Как хоть его зовут?

Мерета только улыбнулась и захлопнула дверцу. Пора, кажется, заменить Марианну Кох кем-нибудь другим.

2007 год

Начальник отдела по расследованию убийств Маркус Якобсен со стороны казался безалаберным человеком, но внешняя безалаберность нисколько не мешала ему работать. В его изощренном мозге все было аккуратно разложено по полочкам, а память не упускала ни одной детали, и даже спустя десять лет он без труда мог вспомнить любую мелочь.

Вот только суета, когда в помещение набивалась куча сотрудников, выводила его из равновесия. Они толклись тут, еле протискиваясь между раскладными столами и горами канцелярских папок, — просто светопреставление какое-то.

Он взял со стола свою шербающую кружку с портретом Шерлока Холмса и залпом допил остывший кофе, в десятый раз за утро вспоминая про полпачки сигарет в кармане. Черт бы побрал это проклятое распоряжение, из-за которого теперь даже во дворе нельзя устроить себе маленький перекур!

— Послушай! — обратился Маркус Якобсен к своему заместителю Ларсу Бьёрну, которого попросил задержаться после окончания совещания. — Если мы ничего не предпримем, то это дело об убийстве велосипедиста в парке Вальбю доведет нас до ручки.

Ларс Бьёрн кивнул.

— И надо же было Карлу Мёрку именно сейчас вернуться и забрать у нас четырех лучших следователей! Все им недовольны, а кому сыплются жалобы? — Ларс потыкал себя пальцем в грудь, словно ему одному приходилось разгребать чужое дерьмо. — Вечно опаздывает на работу, гоняет своих людей, роется в делах, не отвечает на вызовы, в его конторе царит хаос. Нам уже жаловались из судебно-медицинской лаборатории, а ведь они с ним только по телефону поговорили. Из судебно-медицинской лаборатории, ты понимаешь? Нет, с этим пора что-то делать! Что бы там ни пережил Карл, это нельзя так оставить. Иначе отдел не сможет нормально работать!

Представив себе Карла, Маркус приподнял брови. Вообще-то, он хорошо относился к нему как к работнику, но этот вечно иронический взгляд и язвительные замечания кого хочешь могли довести до белого каления — Маркус знал это по собственному опыту.

— Да уж, в этом ты прав. Только Харди и Анкер и могли с ним договориться. Впрочем, они и сами были со странностями.

— Знаешь, Маркус, никто прямо этого не говорит, но, если честно, вообще-то, работать с Карлом — просто какое-то наказание. И началось это не сейчас. Он непригоден для работы в коллективе, где все друг от друга зависят. Почему ты взял его сюда из Беллахоя?¹

— Ларс, он был и есть потрясающий сыщик. — Маркус твердо посмотрел в глаза Бьёрну. — Вот почему.

— Ну да, ну да, я знаю, мы не можем просто взять и выставить его из отдела, тем более в нынешних обстоятельствах. Но тогда придется поискать какой-то другой выход.

— Прошла всего неделя, как он вышел с больничного, и мы должны дать ему шанс. Может быть, надо его поберечь и найти ему что-то полегче?

¹ *Беллахой* — район Копенгагена.

— Ты думаешь? В последние недели на нас свалилось столько новых дел, что я не понимаю, как мы справимся. И некоторые из них, сам знаешь, особо сложные. Пожар на Америкавай — что это было: поджог или не поджог? Ограбление на Томгорсвай, когда был убит посетитель банка. Изнасилование и убийство в Торнбю, поножовщина с убийством в молодежной банде в районе Сюдхавн, убийство велосипедиста в парке Вальбю. Достаточно или продолжить? В придачу целая куча старых дел. Причем ко многим мы даже не нашли как подступиться. А тут такой начальник группы, как Мёрк! Нерасторопный, строптивый, всем недовольный, склочный, недоброжелательный с коллегами, он же вот-вот развалит весь отдел! Этот человек для всех нас прямо бельмо в глазу! Знаешь что, Маркус, пошли-ка ты его ко всем чертям, а сюда надо влить свежей крови. Я понимаю, что это жесткий подход, но вот тебе мое мнение.

Начальник отдела убийств кивнул. Во время совещания он обратил внимание на настроение подчиненных: они показались ему угрюмыми, злыми и уставшими. Понятное дело, никому не нравится, когда тебя топчут ногами!

Заместитель отвернулся к окну и, глядя на противоположную сторону улицы, сказал:

— По-моему, я могу предложить подходящее решение. Возможно, профсоюз начнет артачиться, но едва ли.

— Господи, Ларс! Не хватало мне только еще вступать в стычки с союзом! Если ты надумал понизить его в должности, они тотчас же за него вступятся.

— А мы спихнем его путем повышения!

— Ах вот как!

Для Маркуса настал момент, когда требовалось проявить осторожность. Заместитель — великолепный сыщик с огромным опытом, на его счету множество раскрытых дел, но в области кадровой политики ему еще многому

предстоит учиться. Просто взять и выпихнуть человека, с понижением ли, с повышением, — так дела не делаются.

— Ты, значит, предлагаешь выпихнуть его наверх? И куда же? Кто, по-твоему, должен освободить для него место?

— Я знаю, ты сегодня не спал почти всю ночь, а затем все утро был занят этим проклятым убийством в Вальбю, поэтому не мог следить за новостями. Но разве ты не слышал, что происходило в последние часы в Кристиансборге?

Начальник отдела убийств помотал головой. На него действительно свалилась куча хлопот в связи с новым поворотом в деле об убийстве велосипедиста в парке Вальбю. До вчерашнего вечера у них имелась хорошая, надежная свидетельница, и было совершенно очевидно, что женщина рассказала еще далеко не все. Никто не сомневался, что расследование вот-вот перейдет в решающую фазу. И вдруг свидетельница замкнулась и замолчала как рыба. Кому-то из ее окружения, по-видимому, пригрозили — только этим можно было объяснить такую перемену. Они допрашивали ее до посинения, побеседовали с ее дочерьми и матерью, но никто ничего не пожелал сказать. Женщин явно запугали. Да, Маркусу действительно было в эту ночь не до сна, поэтому он не знал никаких новостей, кроме тех, что были вынесены в заголовки утренних газет.

— Что? Опять Датская партия?

— Она самая, — подтвердил заместитель. — Их докладчик по правовой политике снова выступила с предложением продлить соглашение о полиции и на этот раз получила большинство голосов. Оно принято, Маркус. Пив Вестергор добилась своего.

— Быть этого не может!

— Двадцать минут она резала с трибуны правду-матку, и правительственные партии, разумеется, ее поддержали, хотя для консерваторов это был нож острый.

— Ну и?..

— А как ты думаешь? Она привела четыре примера дел о тяжких преступлениях, положенных под сукно, которые, по ее мнению, общество не должно оставлять нераскрытыми. И в запасе у нее имелось еще много такого добра, скажу я тебе.

— Черт знает что! Неужели она думает, что полиция по своей прихоти бросает такие дела нераскрытыми?

— Она намекала, что в делах определенного типа это может быть одной из причин.

— Ерунда! Какого такого типа эти дела?

— Среди прочего те, в которых речь идет о преступлениях, совершенных по отношению к представителям Датской партии и либералов. Имеются в виду дела, прогремевшие на всю страну.

— Да она просто ненормальная!

— Тебе так кажется? — Заместитель покачал головой. — Но это еще не все. Она назвала дела о пропавших детях, дела о политическом терроре и преступления, отличающиеся особой жестокостью.

— Это же откровенная погоня за голосами!

— А как же! Иначе она бы не выносила эти вопросы на заседание фолькетинга. Сейчас они занялись этим вместе — все партии собрались в Министерстве юстиции на переговоры. Принятые документы косяками летят в Министерство финансов. Если хочешь знать мое мнение, постановление будет принято в течение ближайших двух недель.

— И в чем же оно должно заключаться?

— В том, что будет создан новый отдел криминальной полиции. Она сама предложила назвать его отделом «Q»¹ в честь Датской партии. Не знаю, может быть, она пошутила, но так оно и будет. — Ларс кисло усмехнулся.

¹ В избирательном списке каждая партия обозначается какой-либо буквой алфавита.

— А его назначение? То же самое?

— Да, на отдел возложены дела, «заслуживающие особого внимания», как они это называли.

— Заслуживающие особого внимания, — повторил Маркус и кивнул. — Узнаю лихой стиль Пив Вестергор. Звучит впечатляюще. И кто же, скажи, пожалуйста, будет определять, какие дела заслуживают этого внимания? Она что-нибудь такое говорила?

Заместитель только пожал плечами.

— Ну ладно! — кивнул шеф. — Нам снова поручено делать то, что мы делали и раньше. Ну а дальше что? Что это значит для нас?

— Этот отдел находится под патронатом государственной полиции, но чисто административно будет, по всей видимости, подчинен отделу убийств копенгагенской полиции.

Начальник отдела убийств от неожиданности так и разинул рот:

— Ну и дела! Что значит — «чисто административно»?

— Мы планируем бюджет и пишем отчеты. Предоставляем конторский персонал и помещение.

— Не понимаю! Это что ж — отдел копенгагенской полиции должен будет теперь заниматься еще и расследованием стародавних дел полицейского округа Йёрринга? Округа на это ни за что не пойдут. Они захотят иметь в отделе своих представителей.

— Это не предусмотрено. Предполагается, что новый отдел снимет с округов часть нагрузки, а не добавит им новых задач.

— То есть под крышей этого отдела будет создана еще и выездная бригада для расследования безнадежных дел? И все силами моих сотрудников? Ну уж нет! Не бывать этому!

— погоди, Маркус, ты сперва выслушай! Речь идет только о том, чтобы изредка, в виде исключения, выде-

лять на несколько часов двух-трех человек. Это же так, мелочь!

— Какая там мелочь!

— Ладно, если хочешь, давай я скажу все своими словами, согласен?

Начальник отдела только потер лоб. Разве он мог тут что-то поделать?

— Маркус! На это выделяются деньги. — Ларс сделал паузу и многозначительно посмотрел на начальника. — Не очень много, но достаточно, чтобы оплачивать одну штатную единицу и заодно перекачать в наш отдел два-три миллиона. Это дополнительное финансирование, которое нам ничего не будет стоить.

— Два-три миллиона? — Начальник подумал и кивнул. — Хорошо!

— Неплохо придумано? Мы молниеносно откроем новый отдел. Они ожидают, что мы встанем на дыбы, а мы и не подумаем. Мы выдвинем встречное предложение и составим бюджет без уточнения задач нового отдела, а затем назначим Карла Мёрка его руководителем. Руководить ему особенно не придется, потому что он будет единственным работником. Причем от всех остальных он будет отодвинут на безопасное расстояние, уж это я тебе обещаю.

Карл Мёрк во главе отдела «Q»! Маркус Якобсен представил себе эту картину. Отдел, который способен существовать на бюджет менее миллиона в год, включая разъезды, лабораторные исследования и все прочее. Если запросить для него пять миллионов в год, то за его счет отдел убийств можно увеличить на две следовательские группы. Пускай они преимущественно занимаются старыми делами. Может быть, не теми, которые поручены подразделению «Q», но чем-то в этом роде. Неопределенность, отсутствие четко прописанных задач — вот что тут главное. Гениально! Иначе не скажешь.

2007 год

Харди Хеннингсен был самым рослым из всех сотрудников, которые когда-либо работали в Управлении полиции. Согласно документам воинского учета, его рост составлял два метра семь сантиметров, хотя, скорее всего, он был еще выше. При всех задержаниях первым выступал Харди: когда он зачитывал задержанному его права, тому приходилось задирать голову. Обычно это производило сильное впечатление.

В настоящий момент рост Харди из преимущества превратился в недостаток. У Карла создалось впечатление, что за все время пребывания в больнице тому ни разу не удалось расправить свои длинные ноги. Карл говорил сиделке, что надо бы убрать спинку в изножье кровати, но это, вероятно, было не в ее компетенции.

Харди не разговаривал. Телевизор у него работал сутками напролет, в палату заходили люди, но он ни на что не реагировал. С тех пор как его привезли в Хорнбэк, в клинику спинномозговых травм, он только лежал пластом и пытался как-то жить: жевать пищу, немного подвигать плечами. Все, что ниже шеи, ему не повиновалось, и во всем остальном его парализованное, непослушное тело зависело от манипуляций сиделки. Пока его подмывали, кололи иглками, меняли мешочки для испражнений, он мог лишь смотреть в потолок. И почти ничего не говорил.

— Сегодня, Харди, я первый день выхожу на службу, — сказал Карл, поправляя ему перину. — Работа над этим делом идет вовсю. Пока результатов еще нет, но они обязательно найдут тех, кто нас подстрелил.

Тяжелые веки Харди даже не дрогнули. Он не удостоил взглядом ни Карла, ни трескучий, пустопорожний репортаж о выселении обитателей Молодежного дома¹.

Казалось, ему все одинаково безразлично. В нем не осталось даже злости. Карл понимал его, как никто другой. Хотя он и не показывал этого при Харди, ему тоже было на все это совершенно наплевать. Абсолютно до лампочки, кто в них тогда стрелял. Какая разница? Мало ли на свете подонков!

Он коротко кивнул сиделке, которая вошла с новой капельницей. В прошлый раз она попросила его выйти, пока будет приводить в порядок Харди. Тогда Карл не послушался, и, очевидно, она этого не забыла.

— Вы уже здесь? — неприветливо спросила она и посмотрела на часы.

— Мне удобнее заходить перед работой. Вы что-то имеете против?

Она снова взглянула на часы — поздноовато, мол, на работу собираешься! Потом вынула из-под одеяла руку Харди и проверила катетер для капельницы на кисти.

Отворилась дверь, и в палату вошла женщина-физиотерапевт. Ей предстояла нелегкая работа.

Карл похлопал по простыне, под которой проступали очертания правой руки Харди.

— Здешние барышни жаждут побыть с тобой наедине, так что я убегаю. Завтра приду пораньше, и мы сможем поговорить. Держись молодцом!

¹ *Молодежный дом* — старинное здание бывшего Народного дома, предназначенное под снос и с 1982 года занятое молодежью левых взглядов. В 2007 году его обитатели были выселены с помощью полиции.

Унося с собой больничный запах, Карл вышел в коридор и прислонился к стене. Рубашка прилипла к телу, и пятна под мышками расплылись еще шире. После той перестрелки ему не много было надо, чтобы утратить душевное равновесие.

Как обычно, Харди, Карл и Анкер прибыли к месту убийства раньше всех, облаченные в белые одноразовые спецовки с масками-респираторами, перчатками и шапочками, как это было предписано для подобных случаев. Тело старика с гвоздем в голове обнаружили всего полчаса назад. От Управления полиции сюда было рукой подать.

В тот раз с осмотром трупа пришлось подождать. Насколько было известно, начальник отдела убийств сидел на совещании у префекта полиции по вопросу структурной реформы, однако собирался присоединиться к ним как можно скорее, вместе с главным районным врачом. Никакие бюрократические мероприятия не могли помешать Маркусу Якобсену самолично явиться на место преступления.

— Вокруг дома техники вряд ли найдут что-то интересное, — сказал Анкер, ковырнув землю носком ботинка. Почва была мокрая и рыхлая после ночного дождя.

Карл огляделся. Возле армейского барака, проданного военным ведомством в числе других таких же в шестидесятые годы, почти не видно было следов, кроме тех, что остались от деревянных башмаков соседа покойного. В свое время эти бараки, вероятно, были в отличном состоянии, но давно потеряли привлекательный вид: стропила просели, толь на крыше потрескался, в обшивке стен не осталось ни одной целой доски, а сырость довершила дело. Сгнила даже табличка на двери, на которой черным фломастером было написано «Георг Мадсен». Вдобавок ко всему из щелей несло трупным запахом. Не дом, а смрадная трущоба.